

Осколки

An illustration of a woman's profile in black and white, looking to the left. Her hair is dark and voluminous. The entire scene is set against a dark grey background. Numerous clear, jagged shards of broken glass are scattered around her, some appearing to be falling or floating in the air. The shards vary in size and shape, some showing sharp edges and facets.

Времени
Энни Ковтун

Энни Ковтун

Осколки времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68984796

SelfPub; 2023

Аннотация

Её все потеряли: ушла и не вернулась. И похоронил её я вместе со всеми в своей памяти. Но никто не ожидал спустя много лет найти обезображенное тело девушки рядом с дорогой, по которой мы ходили в школу. Тогда я сильно испугался за неё. Пожалуй, я расскажу тебе историю Марины в трёх частях. Первый полноценный сборник серии небольших работ.

Энни Ковтун

Осколки времени

Это будет наш вечер

Давай останемся сегодня вместе. Это будет только наш вечер. Под тихий гул телевизора и запах чего-то вкусного останемся только вдвоём. Укроемся пледом, обставимся подушками. Я не сбегу, останусь с тобой. Ты сегодня никуда не пойдёшь. Не будет никаких дел ни у тебя, ни у меня. Не надо никуда спешить. Можем тихо-тихо говорить о всём на свете, так чтобы слышали только мы. Приглушим свет, скрыв от посторонних глаз наши улыбки и блеск глаз. Всё это такое сокровенное между нами двумя. Об этом не нужно никому знать, они ведь все нам завидуют.

А может быть, мы проведём вечер на улице, медленно прогуливаясь по парку, будем держаться за руки, порой переглядываясь. Может, выпадет снег, и мы, словно дети, будем играть в снежки и валяться в белом сугробе, где окажемся словно на облаке лежать рядом друг с другом, разгоряченные играми. На улице будет холодно, а нам будет жарко. И в конце вечера залезем в ванну вдвоем, наполним её горячей водой и напустим пены. И начнется бой волшебных существ пеной и струей воды из душа. А утром на нас будут ругаться соседи.

Но это будет совсем неважно, ведь мы хорошо провели

время. Будет всё ровно на эти мелочи человеческой жизни, ведь мы насладились только нашими моментами. Мы будем помнить это всё до конца жизни, а то и после. От воспоминаний будет теплеть в груди.

Быть может, и этому не дано быть – мы проведём вечер за готовкой. Перепачканные мукой, словно мелом, мы будем смеяться. «Ты похож на приведение!» – а потом звонкий смех, что проникнет в душу и заставит улыбнуться. А затем за столом будем тихо кушать. Без тарелок, сразу так. И может быть, как в фильме, одна макаронина сведёт нас в поцелуе. Он будет неприлично долгим, искренним и нежным. Посмотрим друг на друга искренне влюблёнными глазами. Ты тихо прошепчешь мне: «ты самая чудесная и красивая». Я засмущаюсь.

Может, после мы вместе ляжем спать, откинув все ненужные тряпки. Без похоти, но со страстью искренних чувств мы будем лежать и тихо разговаривать, обниматься. Будем чувствовать запах друг друга.

А пойдем в кино? Это так банально, но пойдем. В это время уже никого не будет: только мы в зале одни тихо шуршим попкорном и смотрим фильм, сидя в обнимку. Я буду лежать у тебя на груди, буду слушать твой пульс. Музыка твоего сердца так ритмичная и вызывает мурашки от пяток до макушки. Обнимешь меня и поцелуешь в макушку – тебе же больше не нужно ничего в этот вечер. Только я. Только мы. Неважно, что там будет идти, что будет происходить. Мы бу-

дем прислушиваться к стуку наших сердец, будем наблюдать за действиями друг друга.

Или может, в театре его проведём, или может, на танцах. Ты будешь кружить меня снова и снова, всем другим на зависть. А я буду ловить твой ритм. Наш танец не похож на другие – он свой, он другой и особенный. Может, неправильно поставлен наш ритм, и может, двигаюсь я плохо и неумело, может, нет такого жанра и вида, а элементы наши смотрятся дурно, может, ты не подходишь мне в росте или держишь меня как-то неверно. Но это наш танец, танец нашего ритма, и счет ведут наши сердца. Самое главное в нем – не движения и отмерение такта. Самое главное в нём, это то, что танцуем именно мы. Танцуем и смеемся. Танцуем так, как диктуют наши сердца.

Не хочешь ты этого и устал от городской суеты? Ну давай просто в обнимку полежим на кровати, пока не уснём. Обнимешь меня нежно-нежно, а я буду гладить тебя, усыпляя. Когда ты уснёшь, я укурю тебя. Нежно поцелую и лягу рядом, а когда наступит утро, я приготовлю тебе твой любимый завтрак.

Главное, не уходи никуда, совсем никуда. Мы выключим телефоны, чтобы до нас никто не дозвался, закроем дверь и не будем никому открывать. Пожалуйста, только не уходи. Остаться одной снова этим вечером мучительно, это пытка. Прошу, не издевайся над мной. Я честно люблю тебя, искренне и нежно. А ты ведь любишь меня. Я же вижу твои

слёзы. Я вижу, что тебе больно вновь уходить. Ох, мой милый.

Этот вечер, разбавит серую пресловутую жизнь в этих бледных бетонных коробках. Мне неважно, что делать, неважно, что смотреть и что слушать. Главное, чтобы ты хоть сколько-то времени провел вместе со мной, чтобы нежно обнял, остался тут, а не убежал на шум цветных купюр. Да знаю я, зачем они нужны людям, я понимаю, как всё это серьезно. Но тебе тоже нужен отдых, тебе тоже нужен этот вечер. Этот вечер тихой беседы, тихой болтовни. Тебе нужно успокоиться, остановиться. Перевести дыхание, чтобы вновь продолжить эту гонку.

Зачем же ты вновь уходишь от моей могилы? Неужели так страшно оставаться со мной? Ведь всё было так хорошо. Или может, ты просто уже нашёл себе другую? Нет, неправда, не может быть. Мы искренне друг друга любим. Ты не мог мне в этом врать.

Я тебя молю, останься. Мне так страшно здесь. И холодно. Могильная плита такая холодная, а земля сырая. С моего пальца уже упало кольцо. Здесь ночью много плохих людей, я боюсь, что они сделают с мной что-то, куда-то увезут. Родной... Прошу, оставайся. Это ведь должен был быть только нашим... Без страха и боли.

Пропавшая безвсети

Несколько лет назад у нас в посёлке пропала девушка, дев-

чонка лет тринадцати. Её искали долго, всем посёлком, родные давали объявления в газете, искали зацепки, развешивали листовки, обращались в органы, искали её, как могли. Всех этих действий оказалось недостаточно: девочку так и не нашли. После в нашем небольшом посёлке был траур. Дети не могли поверить в случившееся, а родители боялись их выпускать за порог. Мужчины и жён опускать боялись. В посёлке не сговариваясь все ввели негласный комендантский час.

В семье девочки настало горе; что такое потерять ребёнка, возможно, представить получится, но очень сложно и не в полной мере. Мать повесилась спустя неделю, отец же спился и замёрз на морозе зимой того же года. Старший брат этой девочки спустя пару лет застрелился. Парень этой девушки бросился под машину – слава богу, спасли.

Я был с ней знаком. Она всегда была маленькой, хрупкой и до жути бледной – серая мышка, которую обычно не замечают. Из девочек подростков у нас в поселке была она и Ирка Пращина из «зелёного забора». Ирка отличалась плохим характером разбалованной девчонки и лишним весом. Не удивительно, что все шесть парней-подростков, включая и меня, хвостиком ходили за худенькой девочкой-отличницей.

Марина, так звали девочку, была гордостью семьи. Старший брат Максим, который был старше на шесть лет, всегда был её телохранителем и защищал эту гордость. В их доме всегда царила чистота, пахло выпечкой. В её комнате бы-

ло полно мягких игрушек, всяких гирлянд. В школе хорошо училась, помогала учителям и занималась дополнительно с малышами. И на лицо девочка была красивая, с густыми чёрными волосами и пронзительными карими глазами.

Её пропажа, а после признание мёртвой судом, буквально убило целую семью. Участковый сразу сказал: «Скорее всего, мёртвая где-то в канаве лежит, собаки загрызли». Мать поверила и не выдержала. Отец не мог свыкнуться с мыслью, что потерял двух своих девочек. Держался только Макс, он был словно местный герой: сам держался, не дал глупость совершить бывшему Марины, ещё и выходил бабушку по материнской линии, у которой случился инсульт после произошедшего. Но затем бабушка умерла, а суд признал девочку мёртвой – Макс застрелился. Его хоронили всем посёлком. Добрый, весёлый. Все понимали, что у него на душе твориться такое... Но он улыбался, он вселял всем надежду, которой у самого уже не было.

Семья-то хорошая была. Мать – заботливая женщина, работала учительницей у нас в школе музыки. Отец – тракторист, но не пил. От этого все женщины в посёлке локти кусали. Максим учился на врача. Девочка хотела быть тоже или врачом, или учителем.

В этом году начали наконец переделывать дорогу к посёлку, из-за чего убирали слишком высокие деревья, освобождали электропровода, парасоль выкорчёвывали, убирали мусор. И в одном месте нашли разложившийся труп. По-

что разложившийся. Там осталась одежда, немного телесных тканей, рюкзак и кости. По одежде, рюкзаку и серёжкам из белого золота, местные опознали Марину. Эти серёжки купил сестре Макс на свою первую зарплату. И тетрадки были подписаны.

По результатам осмотра и вскрытия сказали, что, скорее всего, зимой в гололёд она упала, сломав лодыжку, потеряла сознание из-за холода и затем замёрзла насмерть. Но лишь один из возможных вариантов. Одежда не тронута, другие кости не переломаны, так что её либо пырнули ножом в живот – что мало вероятно, – либо она упала. Возможно, её толкнули. Но после стольких лет мы не узнаем правды.

Она лежала там всё это время. Лежала возле дороги, по которой мы ходили в школу. Если бы мы повнимательнее смотрели по сторонам, то Мариша осталась бы жива. И её семья тоже. У неё бы уже были свои дети, она бы была хорошей мамой, заканчивала учёбу. Она бы точно вырвалась из этого посёлка.

Я был её другом, считал себя её другом. И даже не додумался посмотреть возле того места, где мы вдвоём поскользнулись и чудом не падали. Это наша вина? Нет. Этот красный гроб, который закапывают под груды земли, – моя вина. Мы проводили время вместе. Мы вместе росли. Мы были соседями всю жизнь, как только сюда переехали из города. Часто вместе проводили вечера, гуляли. В детстве я даже надел на неё колечко. Это колечко так и осталось у неё дома.

Этот дом никто не тронул, не разбил окно. И даже не взяли из открытого двора лопаты. Мы все верили, что она жива и вернётся домой.

Мы открыли дверь ключами из её рюкзака. Это колечко я надел Марише на палец перед захоронением. Родная, прости. Я виноват в твоей смерти.

Её могильную плиту я мою до сих пор. Не смогу я её отпустить. Нет. Я верю, что это не Марина. Не может, не может быть. Это другой человек. Она скоро вернется. Совсем скоро...

Хлеб следственного комитета

Ира была девушкой в теле. С самого детства. Лет с пяти жила она с бабушкой за старым зелёным забором, в доме с красной крышей. Именно этот адрес её проживания знали все в посёлке. Там же её быстро окрестили Ирккой, а не какой и Ирой или Ириной. Даже бабушка подзывала её Ирккой. Годы шли, Ира росла. Бабушка всегда её стригла под каре, лишний вес всё рос. В переходном возрасте у неё начала расти грудь, а на лице образовались отвратительные прыщи. Выбора, что носить, тоже не было. Поэтому в школе её быстро окрестили прозвищами «свиноматка» и «опарыш». Ире было обидно ужасно.

Учителя тоже нос воротили от Иры, никогда не обращали на неё внимания и ставили оценки ниже, чем остальным. А дело было просто, ведь родители Иры – алкоголики. Спи-

лись и подошли на морозе. Учителя об этом знали, поэтому, веря в генетику, были уверены, что из Иры вырастет такая же маргинальная особа. Зачем на неё внимание обращать?

На четырнадцатый День Рождения бабушка подарила смартфон. Там, из интернета, Ира узнала о существовании косметики и корсетов. Выпросить у бабушки было несложно: она всю жизнь винила себя и жалела сиротку. Поэтому уже в понедельник Ира стянула до идеала корсетом живот, ярко нарядилась и пошла в школу. В классе поднялся смех. Только Марина Смородинова сидела за партой и сочувствующе смотрела на девочку. Они были из одного посёлка.

Сердце ужасно сдавило то ли корсетом, то ли от обиды – оно так разболелось, что ночью её отвезли в больницу. Ах, как ей хотелось стать такой же, как Марина! Стройной, красивой, с идеальным лицом и водопадом волос. Мальчишки ковром стелились поодаль её ножек, а она всех отшивала. Кроме двух: один, по её словам, всего лишь друг, а второй, Ванька Черноусов – ещё тот хулиган, – был её парнем.

Марина была золотая. Все её хвалили, все её любили. И даже бабушка начала ставить её в пример, и говорила, что Ире надо быть как она. А она бы с радостью! Но как?

За проведённое время в больнице Ира сбросила три килограмма. Мало, но курс был намечен. Ирка сидела на диетах, морила себя голодом, нашла какие-то тренировки в интернете и пичкала себя сомнительными таблетками из интернета для сжигания жира. Постепенно вес уходил, но малозаметно

и неэффективно. Ну что ж, это все равно хоть что-то.

Зимой на уроке физкультуры Ира упала прямо в снег, разбив себе нос. Все смеялись: «Ой, бочка покатилась». Ну как так можно? Сама встать она всё никак не могла, пока Маринка всё же не приказала своим ухажёрам помочь Ире. Впервые в этот момент в свой адрес она услышала «Ирочка», «солнышко», «булочка» и «облачко». Она сразу стала «красавицей» и номером один в их внимании. Им захотелось ей помогать и обхаживать её. Но это только пока Марина не поблагодарила их за помощь. После этого она вновь стала «опарышом» и не представляла никакого интереса для парней. В душе заиграла боль, обида, зависть.

Домой Марина и Ира шли вместе. Было холодно – зима, но без ветра. Снегом покрыло всё; на дороге гололёд.

– Ах, как красиво, – произнесла Марина, идя с краю.

– Да, – тихо согласилась Ира. – Вот как? Как у тебя получается быть такой идеальной?

– Ты о чём? – изумилась девушка. – Я ничего такого не делаю.

– Не прикидывайся! – разозлилась Ира. – Ты вся такая идеальная! Чистая и опрятная! Худая! За тобой вечно мальчишки бегают!

– Ира... я не понимаю, что не так. Если хочешь, я помогу тебе.

– Не нужно!

От обиды и злости Ира слегка толкнула Марину в грудь.

Та поскользнулась на льду и упала в большой сугроб. Дорога была немного выше. А там – остатки оврага. Грудь Марины неестественно поднялась. Глаза остекленели, а снег приобрёл бордовый оттенок.

Ужас осознания произошедшего накалялся в голове. Как так? Она убила её? Она же хотела, чтобы Марина просто упала и ушиблась, чтобы на её идеальной коже образовался синяк!

Сделанное уже не исправишь. Присыпав тело снегом, Ира быстро убежала домой. Когда родители Марины подняли шум, Ира уже знала точно – за ней приедут. Вместе с бабушкой она много раз смотрела криминальные сериалы про убийства. Её найдут, у неё мотив. Но тело не нашли. Ни на первый день, ни на второй. Хотя Ире казалось, все и так всё прекрасно знают, что она виновата в смерти Марины.

От страха и переживаний прошли прыщи, ушёл лишний вес и Ира расцвела. Ей было стыдно, жалко. Но сделать она ничего не могла. Поэтому твёрдо решила, она будет жить за них двоих. Именно так, как этого бы хотела Марина.

Через год суд признал девочку пропавшей без вести. Мать девчонки покончила с собой, отец с горя спился, а вскоре и старший брат наложил на себя руки. Вот так она убила всю семью. Спустя много лет, когда она похоронила уже бабушку, вышла замуж, родила дочь, стала опять набирать вес и позабыла о своём обещании, ей позвонили. Марина нашлась. Это было, как гром среди ясного неба. Соседка тётя Нюра

решила поделиться и грустной, и радостной новостью. Нашлась. Тут же в голове всё всплыло, стало мерзко. Учителя были правы, она тоже аморальный человек, ни чуть не лучше своих родителей. Нет, хуже. Она убийца. Она убийца ребёнка. Но ведь никто не соберёт те осколки времени кроме неё, верно?